

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

В рамках статьи предпринимается анализ «Исторических портретов», вошедших в «Курс русской истории» В. О. Ключевского. Не являясь полноценными биографиями, они представляют собой словесные изображения исторических лиц в определенный момент их жизни. «Исторические портреты» В. О. Ключевского рассматриваются в контексте отечественной и зарубежной исторической науки. Автор сопоставляет их со «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха, творчеством Т. Карлейля, Ж. Мишле, Н. И. Костомарова. Подчеркивая незаурядный литературный талант Ключевского, он отмечает все же некоторую театральность его изображений. Реальный исторический персонаж у Ключевского приобретает значение исторического типа, а его изображение — типологического портрета.

The article is dedicated to the analysis of the «Historical Portraits», included in «The course of the Russian history» written by V. O. Klyuchevsky. The «Historical Portraits» are considered in the context of Russian and European historical science. The author compares them with Plutarch's «Comparative biographies», the works of T. Carlyle, J. Michelet, N. Kostomarov. Highlighting the outstanding literary talent of Klyuchevsky, he notes theatricality of his images. In Klyuchevsky's description the actual historic figures acquire the typological value.

Ключевые слова: Ключевский; исторические портреты; биография; курс русской истории; Московский университет.

Keywords: Klyuchevsky; historical portraits; biography; the course of the Russian history; Moscow University.

Сегодня мы вспоминаем знаменитого русского историка В. О. Ключевского, родившегося 175 лет назад. О нем издавна принято говорить с некоторым придыханием — знаком глубокого уважения и восхищения. Даже советские историки, бранившие Василия Осиповича за удаленность от марксизма, не отказывали ему в почтительных реверансах. Все снимают шляпу при упоминании имени Ключевского. Однако при этом даже среди просвещенного читателя мало тех, кто углублялся в его труды, и еще меньше тех, кто принял близко к сердцу его рассуждения.

Воздавая должное мэтру российской исторической науки, не станем, однако, канонизировать В. О. Ключевского и делать из него «столп и утверждение истины». Посмотрим на одну из граней творчества выдающегося ученого — на его исторические портреты — с некоторой долей скептицизма, которого полны и собственные сочинения историка.

Для начала напомним некоторые прописные истины. Созданный В. О. Ключевским «Курс русской истории» имел большое научное значение. Новаторский характер этого курса состоял в том, что он представлял «не систематическое изложение исторических событий, а раскрытие основных, с точки зрения автора, теоретических обобщений, характеризующих исторический процесс», и его автор «акцентировал внимание на истории не государства, а наро-

Борисов Николай Сергеевич — заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. E-mail: feodal.msu@gmail.com

да» [1, с. 22]. Однако заметим, что публицистическую направленность своих суждений историк обычно скрывал под покровом академической отстраненности.

Прежде чем издать свой «Курс...» в виде текста (1904–1910), В. О. Ключевский много работал над его композицией и литературной формой. Несколько монотонную словесную ткань повествования он время от времени оживлял яркими характеристиками ключевых фигур российской истории. Значение этих *исторических портретов* в составе «Курса...» предопределило их лапидарный характер. Это не биографии, а именно *портреты*, то есть изображение исторического лица в определенный момент его жизни. И подобно тому, как хороший художник при помощи портрета выражает внутренний мир человека, особенности его характера и мироощущения, так и исторические портреты В. О. Ключевского имеют целью представить деятелей прошлого в их своеобразии и полноте. Материалом для исторического портрета служит В. О. Ключевскому выборка фактов из биографии исторического лица, относящихся главным образом к его государственной и общественной деятельности.

Ближайшим предшественником В. О. Ключевского на этой стезе был Н. И. Костомаров. Однако многочисленные биографические очерки Костомарова, собранные в серию «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», лишены каких-либо ярких особенностей и по своей литературной форме напоминают расширенные статьи в энциклопедии. Отдавая дань времени, Н. И. Костомаров скептически отметил некоторые традиционные оценки монархической историографии. Его «Жизнеописания» — своего рода поделки, которыми он занимался с чисто практическими целями. Иное дело исторические портреты В. О. Ключевского — необходимый элемент большого исторического полотна, которым являлся «Курс русской истории». Благодаря тщательной подборке деталей реальный исторический персонаж у автора приобретает значение *исторического типа*, а его изображение — типологического портрета [2, с. 16].

Русское Средневековье не богато источниками личного происхождения. Поэтому герои исторических портретов В. О. Ключевского (царь Алексей Михайлович, Ордин-Нащокин, Петр Великий, Екатерина II) принадлежат к XVII и XVIII столетиям. Более ранние века историк представляет как своего рода духовную пустыню, где царит культ традиции и обычая. «Личный ум прятался за порядком, лицо служило только орудием государевой воли; но и порядок и самая эта воля подчинялись еще сильнейшему влиянию обычая, предания». И только в XVII в. «заведенный порядок пошатнулся; начался сильный спрос на ум, на личные силы» [3, с. 121].

При такой предпосылке все выдающиеся деятели русского Средневековья, в первую очередь московские великие князья, представлены В. О. Ключевским как длинный ряд посредственностей. Они не живут своей жизнью, а лишь предстают перед судом скептического историка, выносящего свой приговор в соответствии с кодексом европейского либерализма. Неумолимый разрушитель исторических мифов, созданных его предшественниками, В. О. Ключевский на смену им представляет новые, созвучные требованиям времени. Так появился, например, черный миф об Иване Калите — мнимом скопидоме и злодее.

Далеко превосходя по литературному мастерству однообразные биографии Н. И. Костомарова, исторические портреты В. О. Ключевского имеют свою ахиллесову пяту. В них, как, впрочем, и во всем восприятии минувшего знаменитым историком, есть нечто театральное. Каждому персонажу отводится определенная роль. Каждый символизирует некий исторический тип. Исторические процессы текут в положенном им направлении. А сам историк, подобно режиссеру, оставаясь за кулисами, руководит всем действием. Порой, увлекшись, он и сам появляется из-за кулис в образе какого-нибудь исторического лица. О такого рода мизансценах рассказывал Ф. И. Шаляпин, гостивший на даче В. О. Ключевского.

Своеобразие исторических взглядов В. О. Ключевского может быть правильно понято только в контексте европейской исторической науки конца XIX — начала XX столетия. Здесь,

наряду с либерально-демократической и социалистической парадигмами, доживала свой век почти неведомая Ключевскому (и, кажется, мало интересовавшая его) историографическая традиция — так называемая «романтическая школа», призывавшая к чувственному, субъективному восприятию прошлого. Один из ее главных представителей Томас Карлейль в эссе, посвященном Вальтеру Скотту, писал: «Эти исторические романы научили людей истине, незнакомой прежним историкам, что прошедшие века были действительно населены живыми людьми, а не протоколами, актами, полемикою и абстрактными идеями» [4, с. 449]. Примечательно, что В. О. Ключевский даже не упоминает Карлейля и всего два или три раза вскользь пишет о другом романтике — Жюле Мишле [5, с. 307].

Для изображения этой живой жизни историку требовался незаурядный литературный талант. Об этом говорил и знаменитый английский историк Томас Маколей, изысканные эссе которого считались образцом биографического жанра. «Если, с одной стороны, нынешние историки изощряются во всякого рода доказательствах, то с другой — они чрезмерно пренебрегают самим искусством повествования, умением затронуть чувства и дать пищу для воображения» [6, с. 9].

Рассмотрим эти требования применительно к В. О. Ключевскому. Что касается «искусства повествования», то историк всю жизнь работал над стилем и в своих исторических портретах достиг чеканной краткости и легкости языка. Заметим, что это был огромный труд для автора, унаследовавшего от С. М. Соловьева склонность к длинным и тяжеловесным фразам. Что касается «умения затронуть чувства», то с этим у скептика и рационалиста Ключевского были серьезные проблемы. Нужно иметь редкую фантазию, чтобы согреть холодок его научных построений. Литературный блеск его исторических портретов отливает железом. Кажется, ему не доставало некоторой поэтической безответственности, готовности не только понять, но и пожалеть героев прошлого. В этом отношении создатель «Французской революции» с его сочувствием к правым и неправым, «потому что все они умерли», гораздо ближе В. О. Ключевского подошел к сердцу своего читателя. У Карлейля «перед читателем проходит бесконечная вереница людей и событий, нарисованных с сочувствием и осуждением, юмором и печалью» [7, с. 561]. Все они, исполнив свое предназначение, исчезают во мраке вечности...

Буржуазный прагматизм как философия жизни и порожденный им позитивистский подход к истории отозвались в европейской исторической мысли своей противоположностью: культом героев и возрождением античного подхода к истории как материалу для нравочения и литературного творчества. Это настроение ярко проявилось в творчестве Карлейля. «Без некоторого присутствия героического духа, заключающегося не в дерзкой отваге, но в спокойном бесстрашии, самоотрицании во всех его формах, — говорит Карлейль, — ни одному человеку, в каком бы то ни было положении, в какой бы то ни было век, не удавалось достичь великой и благотворной цели» [4, с. 388].

Героизация деятелей прошлого естественным образом сочеталась с обличением буржуазного общества. В эссе, посвященном Роберту Бернсу, Карлейль писал: «Ему случилось жить не в героическом и религиозном веке, а в веке скептицизма, эгоизма и пошлости, где истинное благородство плохо понималось, и где его место занимал пустой, бесплодный принцип гордости» [4, с. 389].

Но вернемся к историческим портретам В. О. Ключевского. Их нельзя рассматривать как полноценные биографии. Это скорее тонкая словесная миниатюра, запечатлевшая историческую личность в момент ее полного развития. За этими набросками не ощущается ни научной, ни литературной традиции. И это не случайно. По разным причинам историко-биографический жанр во времена Ключевского не имел значительного развития в российской историографии.

В. О. Ключевский утверждал, что главной целью его труда является не история государства, как у его предшественников Соловьева и Карамзина, а история народа. В 17-й лекции

своего «Курса...» он даже попытался нарисовать коллективный портрет народа, собирательный образ *великоросса*. Однако одно дело цель, а другое — ее достижение. Бесформенная масса народа только тогда обретает голос, когда от ее имени говорит яркая личность. Историк народа должен иметь достаточно смелости, чтобы не скрывать от читателя своего авторского «я». Василий Осипович избегал говорить от первого лица, осуждать и восхвалять, делать лирические отступления. Непревзойденный в искусстве «плетения словес» и скрытой иронии, он пасовал тогда, когда требовалась пророческая безоглядность.

В этой связи вспоминается одно признание из знаменитой книги Жюль Мишле «Народ» (1846), с которой В. О. Ключевский был, конечно, знаком. «Эта книга — не просто книга: это я сам... В эту книгу я вложил всего себя: мою жизнь, мою душу. Перед вами плод моего опыта, а не только знаний. В ней отразились мои наблюдения, мои связи с друзьями, с соседями, мои странствия...» [8, с. 5]. Мишле в историческом повествовании любил и умел говорить от первого лица. В. О. Ключевский, словно посмеиваясь в кулак, тщательно прятал свое «я». В этом — как и во многом другом — он сознательно отказывался от моралистической традиции Карамзина, чтившего античных авторов и вслед за Фюретьером полагавшего авторское нравоучение необходимой частью исторического повествования [9, с. 10].

Уходя от античных авторов, В. О. Ключевский избегал и поучений в духе Карамзина. И дело было не только в разном понимании задач историка, но и в сословном статусе столбового дворянина Карамзина, позволявшем ему с достоинством поучать самого императора Александра. Кроме того, Карамзин был гораздо больше европейцем, чем Ключевский. Русский по крови, Карамзин по образованию и взглядам на жизнь был «человеком мира».

Иное дело В. О. Ключевский. Маргинал по происхождению (уже не крестьянин, но еще и не потомственный буржуа), он принадлежал к тому роду людей, которых в русской истории принято называть «разночинцами». Трудолюбивый и умный разночинец, подобно Ключевскому, мог преуспеть в науке. Но ярмо векового молчания давило ему горло. Василий Осипович был хорошим рассказчиком. Он шлифовал свои рассказы многократным повторением и некоторыми театральными приемами. Но не более того. Искреннее чувство мы находим лишь в его известной речи по случаю юбилея преподобного Сергия Радонежского. Кажется, здесь в душе историка проснулись поколения его предков — сельских священников, начинавших свой день с молитвы преподобного Сергия. Но и в этом историческом портрете в центре внимания В. О. Ключевского не сам радонежский подвижник — одна из наиболее загадочных фигур русской истории, — а его образ как национальный исторический миф.

Известно, что В. О. Ключевский вообще избегал сюжетов, связанных с историей церкви. Вероятно, это объяснялось не только политической осторожностью или оскоминой, оставшейся после шестилетней работы над книгой о житиях святых, но и той нигилистической выправкой, которую отметил у молодых выходцев из духовенства еще маркиз де Кюстин. Как бы там ни было, но вся героическая эпопея Русской Фиваиды на Севере отозвалась в его творчестве лишь суховатым рассуждением о монастырской колонизации. Исторических портретов церковных деятелей Василий Осипович явно избегал.

В исторических портретах В. О. Ключевского, как, впрочем, и в других его сочинениях, посвященных истории России, удивительным образом отсутствует и еще одно начало, которое мы определили бы как *тело России*. Проведя детство и отрочество в провинциальном захолустье, изведав горечь нищеты и бесправия, он был далек от того познавательного желания «проехать по России», которым с легкой руки Гоголя вдохновлялись писатели и философы славянофильского круга. Кажется, единственной целью путешествий В. О. Ключевского была летняя дача во Владимирской губернии.

Это «домоседство» и кабинетный характер работы историка лишали его тексты зримых образов России: ландшафтов мест, где жили герои прошлого или происходили исторические события, архитектурных памятников, артефактов и иных свидетелей минувшего.

Еще одна особенность В. О. Ключевского, ярко заметная в сравнении с европейскими «романтиками», — само пространство, в котором историк ведет свои поиски. «Седое время», по выражению Пушкина, заставляет романтика быть философом. Вслед за блаженным Августином Карлейль остро переживает бесконечность и непознаваемость мироздания. «Наука много сделала для нас; но жалка та наука, которая захотела бы скрыть от нас всю громаду, глубину, святость нескончаемого незнания, куда мы никогда не можем проникнуть... А великая тайна времени, не представляет ли она другого чуда; безграничное, молчаливое, никогда не знающее покоя...» [10, с. 11]. Эта погруженность реальных исторических личностей и событий в мистический поток времени придает биографиям Карлейля своего рода глубину и стереоскопичность.

Ничего подобного мы не найдем у В. О. Ключевского. Констатируя наличие «непознаваемой тайны времени» и недоступного человеку всеобщего закона мироустройства, он равнодушно откладывает все это в сторону и обращается к своему любимому занятию — изучению «преемственности процессов». «Мы знаем, — говорит Ключевский, — что в исторической жизни, как и во всем мироздании, должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий. Но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов» [11, с. 288].

Эта приземленность экзистенциального уровня размышлений В. О. Ключевского влечет за собой плоское и, так сказать, «палехское» изображение исторических персонажей. Собирая сведения источников, Василий Осипович по прописям скептического разума раскладывает их на грунте эпохи.

Ощущая некоторое однообразие своего метода, историк оживлял рассуждения реальными или надуманными парадоксами. Так, по его словам, на плодородных почвах юга восточные славяне занимались торговлей и промыслами, а на скудных владимирских суглинках усердно занялись земледелием. Однако эти интеллектуальные игры не могли восполнить отсутствие в трудах Василия Осиповича Ключевского шума времени, придающего нашей науке величие и достоинство.

От редакции

Публикуемый текст — выступление доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории России Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Николая Сергеевича Борисова на научно-методологическом круглом столе, посвященном 175-летию со дня рождения выдающегося российского историка В. О. Ключевского.

Научное заседание прошло при организационном сопровождении со стороны кафедры истории России исторического факультета БГУ 4 мая 2016 г. и являлось органичной частью мероприятий, проводившихся в рамках дней двух исторических факультетов — БГУ и МГУ. Поэтому наряду с белорусскими историками в заседании круглого стола приняли участие их коллеги из Москвы, в том числе декан исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Николай Николаевич Тучков и его заместитель Оксана Владимировна Солопова. Деканы двух факультетов (Н. Н. Тучков и С. Н. Ходин) не только обратились к ученым с приветственным словом, но и высказали свои оценки творчества незаурядного историка.

Всего в аудитории имени Владимира Ивановича Пичеты — ученика Ключевского, ставшего в 1920-е гг. первым ректором БГУ, было заслушано 14 докладов. В выступлениях белорусских и российских историков нашли отражение различные стороны научного творчества Василия Осиповича. Например, доцент О. В. Бригадина обратила внимание на представление Ключевским в своих работах личности императора Александра I, а доцент С. Л. Луговцо-

ва — работы госучреждений России. Исследователи рассуждали как об оценках Ключевским общих проблем политической и социальной истории, так и о его исключительном таланте «очеловечивать» историю.

В данном просопографическом контексте и был сделан доклад Н. С. Борисова. Он вызвал исключительный интерес у аудитории — преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов исторического факультета БГУ. Поэтому редакция попросила Николая Сергеевича представить текст доклада для публикации. Отметим, что наш коллега не только благосклонно откликнулся на просьбу, но в скором времени (10—13 ноября 2016 г.) принял приглашение и прочел цикл лекций для студентов и аспирантов истфака БГУ по истории российского Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Александров В. А., Зимица В. Г.* Предисловие // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. С. 22.
2. *Александров В. А.* Василий Осипович Ключевский // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. : Правда, 1990. 624 с.
3. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. : Правда, 1990. 624 с.
4. *Карлейль Т.* Исторические и критические опыты. М. : Тип. И. И. Родзевича, 1878. 196 с.
5. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 7 : Курс русской истории. 508 с.
6. *Маколей Т. Б.* Англия и Европа. СПб. : Алетейя, 2001. 501 с.
7. *Сироткин В. Г.* Послесловие // Т. Карлейль. Французская революция. История. М. : Мысль, 1991. 575 с.
8. *Мишле Ж.* Народ. Сер. Литературные памятники. М. : Наука, 1965. 208 с.
9. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского : в 12 т. Калуга : Золотая аллея, 1993. Т. 1—4 : С первых упоминаний о славянах до 1362 г. 556 с.
10. *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В. И. Яковенко. СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1891.
11. *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М. : Наука, 1968. 528 с.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2015 г.